

Судьба подарила мне дружбу с известным поэтом-переводчиком Наумом Гребневым. Это благодаря ему зазвучали по-русски «Журавли» Расула Гамзатова, особенно дорогие всем фронтовикам, мне — тоже.

Однажды под впечатлением его рассказов о войне я уговорила его записать воспоминания на магнитофон. Последнюю запись с разрешения семьи поэта я предлагаю вашему вниманию.

москва.

Светлана ДАВЫДЮК.

На фронте я начал писать стихи и посылал их в Ташкент, где в ту пору была моя мать. В Ташкенте жила эвакуированная из Ленинграда Анна Андреевна. Однажды мама показала Анна Андреевну мои стихи, и к моему удивлению и радости через некоторое время я получил письмо и изданную в Ташкенте книжку Ахматовой с ее дарственной надписью! Потом были еще письма, но ни их, ни книжку я не сохранил — форсируя Днепр, от взрывов я упал с лодки в воду и... Позднее Анна Андреевна подарила мне другой экземпляр с надписью: «...взамен книги, которая погибла во время переправы через Днепр»

12 января 1944 года я был ранен, тяжело, осколками. После двадцатидневного пребывания в брезентовой палатке санбата меня можно было транспортировать дальше. С нашего санитарного поезда на каждой большой станции ссаживали раненых, у которых начиналось кровотечение или какое-то иное обострение болезни. Когда мы приехали в Ташкент (а поезд должен был идти дальше), я попросил, чтобы меня здесь оставили.

В Ташкенте я получил письмо... из Ташкента! От Анны Андреевны. Оно и сейчас передо мной. «Дорогой товарищ, спасибо вам за письмо. За мою длинную жизнь мне не приходилось получать таких искренних и теплых писем. Надеюсь, слово будет слушаться вас, если вы можете писать такие письма. Весть о вашем ранении очень огорчила меня. Надеюсь, что вам сейчас лучше и скоро мы увидимся».

Когда здоровье мое пошло на улучшение и я, хоть и с трудом, согнутым, держась за живот, смог передвигаться, почувствовал, что могу, смогу дойти до Анны Андреевны. В ту пору в Ташкенте было очень много госпиталей и раненные ходили по городу в одном белье — в рубаше и подштанниках. Такая одежда не очень удивляла, потому что мало чем отличалась от традиционной одежды местных жителей. Правда, поверх белых бязевых штанов и рубахи они носили еще халат. Конечно, появиться, предстать перед Анной Андреевной в таком виде я не мог. Поэтому какие-то dobroхоты одолжили мне пижаму, и я в этой пижаме с чужого плеча, которая была и широка, и длинна, выглядел не намного лучше, но что бы там ни было, пришел во флигеле дома по улице Жуковского, 54, где Анна Андреевна с Надеждой Яковлевной Мандельштам занимали две маленькие комнатки. Потом я часто приходил к Анне Андреевне, она всегда была мне рада.

После ранения и контузии, которые случились одновременно, я очень плохо говорил Единственное, что я мог без труда, это читать свои стихи, что я по просьбе Анны Андреевны и делал. Она была ко мне снисходительна и отмечала те редкие строчки, которые ей нравились. Анна Андреевна никогда не кривила ду-

шой в оценке стихов, но и никогда не говорила авторам что-то плохое. Помню, как через несколько лет, читая книгу Расула Гамзатова (это были и мои переводы), она мне сказала: «Вот здесь есть строчка «и на черкесске, мамочку пошито» — это неграмотно». Я сказал: «Анна Андреевна, но это перевод не мой». Она улыбнулась: «Я это прекрасно знаю, и если бы это был перевод ваш, я бы вам этого замечания не сделала».

Беседуя со мной, Анна Андреевна часто возвращалась к дальнему времени, ко времени первой мировой войны, когда к ней приходили такие

что-то именем того, у чего нет имени? У съезда ведь нет имени. Число XXII — это ведь не имя. Можно назвать что-то именем Пушкина, именем Лермонтова, именем Ленина, то есть именем того, что имеет имя, а это — неграмотно».

Однажды Анна Андреевна позвонила и обратилась к моей жене: «Сейчас на экранах идет фильм «Монпарнас, 19». Это фильм о Модильяни. Я очень боюсь его смотреть, потому что Модильяни был тонким, робким и застенчивым человеком, а в фильме его играет этот дылда Жерар Филип, но фильм меня очень интересует, поэтому очень прошу, посмотрите и расскажите — так, как вы умеете рассказывать, никто не умеет». Когда моя жена исполнила ее просьбу и рассказала о фильме, Анна Андреевна сказала: «Я знала, что так и будет: все не так и не то. Они когда-то просили моего разрешения, чтобы одна из героинь называлась моим именем. Конечно,

должна присутствовать я, а вам там присутствовать совершенно не обязательно».

В общем, Запад ей не понравился. Коротко она сформулировала это так: «Им не нужны стихи». На обратном пути я была в Париже. Вы знаете, Париж стал совсем не таким, каким он был, когда я там была в первый раз, там чистая фасады домов пескоструйными аппаратами, от этого они становятся какими-то неестественными...».

Я смотрел на Анну Андреевну и с великой печалью думал о том, что, может, изменился не столько Париж, сколько она сама. В 1910-м или 1911 году она была молода, красива, все было впереди, у нее ног были Гумилев, Модильяни и другие поклонники. А теперь? Это была старая женщина с опухшими ногами, которой и по Парижу передвигаться не так легко. Между тем Анна Андреевна весело продолжала: «Подумать, какие странные люди: в Париже ко мне пришел Луи Арагон со своей Триолешкой, и она говорила: «Анна Андреевна, приезжайте к нам в гости, мы оформим вам приглашение». Станный народ. Мне ведь не придет в голову, скажем, пригласить к себе Папу Римского. Очень странный народ!» Еще ее возмущали воспоминания Ирины Одоевской. Сказала: «Все она там наврала и перепутала и повредила Гумилеву. После ее книги в «Библиотеке поэта» отложили издание Гумилева — в который раз».

Как я уже говорил, эта встреча была 7 ноября, в день Октябрьской революции, и Анна Андреевна говорила нам о том, как, будучи в Петрограде, накануне этого дня в 17-м, осталась ночевать у своей подружки. «И вот утром я пошла к себе домой и вдруг увидела, что движение перекрыто. Мост, по которому я шла, разведен, все прохожие были в недоумении — днем такого никогда не было, мосты разводили только ночью. Здесь мы все увидели, как под задыбленными половинами моста проплыл крейсер, кто-то сказал: это «Аврора». Ни в этот день, ни ночью не было никакого шума никакой стрельбы. Петроградцы и не заметили, что произошла революция».

Однажды разговор зашел о стихах И Анны Андреевна показала нам кусок бересты, на котором были выжжены строчки ее стихов. «Это несколько дней тому назад», — сказала она, — мне принес один бывший заключенный. У него не было бумаги, и он выжег эти стихи на бересте. Здесь, — добавила она, — стихи еще нужны».

Через два дня у Анны Андреевны случился третий инфаркт. Ее увезли в Боткинскую больницу. Навестить ее мне не удалось. Состояние ее было довольно тяжелое, и посетительной она избегала.

1 марта 1966 года раздался телефонный звонок. Звонила Анна Андреевна. Она сказала: сегодня я выписалась из больницы. Я хочу вместе с вами перевести книгу болгарского фольклора. После завтра я уезжаю в санаторий в Домодедово. Через несколько дней, когда там освоюсь, пожалуйста, если хотите, приезжайте ко мне, и мы обо всем поговорим.

3 марта Анна Андреевна уехала в санаторий, а 5-го она умерла.

Книгу болгарского фольклора я перевел, и она вышла в 1970 году в Болгарии.

же мальчики, как я, которые в ту пору были ее сверстниками.

Много стихов читала мне тогда Анна Андреевна, и среди того, что она читала, была поэма «Без героя». Только теперь я могу оценить ту степень доверия, которую она проявляла по отношению к человеку, ей малоизвестному.

Как сейчас помню Москву 27 апреля 1959 года. Я отвезил Анну Андреевну домой, наш автомобиль вместе с множеством других был задержан около Белорусского вокзала. Дело в том, что в этот день проводилась репетиция Первомайского военного парада и из боковой улицы выезжали военные машины. Анна Андреевна, сидевшая в машине справа от меня, опустила голову на руки и сказала: «Когда это кончится, скажите, на это я смотреть не могу». Танки, тяжелые машины шли минут пятнадцать, и все это время Анна Андреевна не поднимала головы.

Однажды Анна Андреевна позвонила мне и сказала, что она хотела бы поехать за город. Мы отправились такой компанией: М. Глэн — мой друг, режиссер-документалист, Катанян, который очень хотел познакомиться с Анной Андреевной, и моя жена. Сперва мы поехали в Переделкино, погуляли в лесу, хотя Анна Андреевна было очень трудно ходить, ноги у нее были отеками, она могла надеть только войлочные комнатные туфли. На обратном пути поехали по Ленинскому проспекту. В то время примерно там, где теперь микрорайон Теплый Стан, был заложен парк, который назывался: Парк им. XXII съезда. Анна Андреевна сказала: «Как это можно называть

но, я не позволила это сделать».

Мне очень хорошо запомнилась наша последняя встреча. За несколько дней до нее Анна Андреевна позвонила мне и, как всегда, категорично сказала: «Я хочу познакомиться с Кайсыном Кулиевым. В Москве ли он сейчас?».

— Да, он в Москве, — ответил я.

— Тогда приезжайте, пожалуйста, ко мне.

Это было 7 ноября 1965 года. Анна Андреевна сказала Кайсыну: «Мне нравятся ваши стихи, хотя я могу их читать только в переводе».

Надо сказать, что до этого у нас с Кайсыном возникал спор из-за названия его новой книги. Один из нас предлагал название «Дом и мир», другой — «Мир дому твоему». Так как мы не пришли ни к какому решению, каждый стоял на своем. Мы попросили совета у Анны Андреевны. Она сказала: «Конечно, «Мир дому твоему». И книга с таким названием вышла.

7 ноября 1965 года был днем нашей последней встречи.

Анна Андреевна была оживлена. Не так давно она возвратилась из Англии, где в Оксфорде ей торжественно вручали мантию и диплом доктора Оксфордского университета. На обратном пути она заехала в Париж. Обо всем этом рассказывала весело.

— Подумайте, — говорила она, — накануне того дня, когда в Оксфорде должен был состояться торжественный акт, мне позвонил случившийся там один наш модный поэт и сказал: «Анна Андреевна, простите, но я в этот день очень занят и поэтому не смогу присутствовать на этом торжественном акте». Я ему ответила: «Голубчик, вы все не очень верно понимаете: на этом акте